

На правах рукописи

Жукова Наталья Юрьевна

**СМОЛЕНСКИЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ ПЕСНИ РУССКО-
БЕЛОРУССКОГО ПОРУБЕЖЬЯ**
(Генезис. Вариативность. Поэтика)

Специальность 10.01.09 - Фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Смоленск – 2010

Работа выполнена на кафедре русской литературы
и методики ее преподавания
ГОУ ВПО «Смоленский государственный университет»

Научный руководитель:	доктор филологических наук профессор Яков Романович Кошелев
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук профессор Юрий Георгиевич Круглов, пенсионер кандидат филологических наук доцент Татьяна Юрьевна Журавлева, Московский государственный гумани- тарный университет им. М.А. Шолохова
Ведущая организация:	Витебский государственный университет им. П.М. Машерова

Защита состоится «   » _____ 2010 г. в ____ часов на заседании диссер-
тационного совета Д 501.001.26 при Московском государственном университете им. М.В.
Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1-й учебный корпус, филоло-
гический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке филологи-
ческого факультета МГУ.

Автореферат разослан «   » _____ 2010 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

А.Б. Криницын

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационная работа посвящена исследованию смоленских семейно-бытовых песен русско-белорусского порубежья.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью углубления и расширения представлений об особенностях функционирования лирических песен в данном регионе.

В современной отечественной фольклористике региональные исследования являются одним из основных направлений. Поскольку же народная культура Смоленщины имеет пограничный характер, находясь на рубеже русской и белорусской фольклорной традиций, в диссертации затрагиваются вопросы межкультурного сотворчества двух народов, что также находится в центре современных исследований фольклористов и придает работе актуальный характер в связи с интеграционными процессами двух государств и поисками новых точек соприкосновения на разных уровнях.

Западнорусская песенная традиция до сих пор не получила достаточно полного и всестороннего освещения в научной литературе. Смоленский регион уже привлекал внимание собирателей и исследователей фольклора; полевая экспедиционная работа осуществлялась здесь такими крупными центрами, как Российская академия музыки им. Гнесиных, Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Римского-Корсакова. Важным событием стало издание «Смоленского музыкально-этнографического сборника» коллективом этномузиков РАО им. Гнесиных.

Собирательская работа проводилась и местными государственными образовательными учреждениями во время фольклорных практик студентов (Смоленский государственный университет, Смоленский государственный институт искусств). Накоплен богатый песенный материал, требующий теоретического осмысления.

Цели и задачи диссертационного исследования. Цель работы - исследование региональной особенности развития, специфики и своеобразия смоленских семейно-бытовых песен, составляющих один из важнейших слоев традиционной русской народной культуры.

Цель определяет конкретные задачи:

- выявить сходство и различие соприкасающихся песенных жанров, прояснить картину происхождения семейно-бытовых песен;
- выявить процессы, связанные с изменением художественной структуры традиционных семейных песен Смоленского края, а также факторы, влияющие на формирование местной фольклорной традиции;
- определить сюжетно-тематическое своеобразие смоленской семейной лирики; выявить сюжетное сходство с белорусскими народными песнями;
- охарактеризовать художественную структуру смоленских семейных песен.

Объект и предмет диссертационного исследования. Предметом исследования являются смоленские семейно-бытовые песни русско-

белорусского пограничья. Объект исследования – генезис, поэтика семейных песен Смоленского края, их вариативность.

В исследовании рассматриваются песни пограничных с Белоруссией Ершичского, Шумячского, Хиславичского, Монастырщинского, Краснинского, Руднянского, Велижского, а также прилежащих к ним Смоленского, Починковского, Рославльского, Ельнинского, Глинковского, Кардымовского, Ярцевского, Духовщинского и Дорогобужского районов Смоленской области. Указанная территория является единой музыкально-этнографической зоной. На юге и западе стилевые рубежи региона размыты, и он «достаточно плавно вливается в этнокультурный массив восточнославянского запада»¹. В то же время восточная граница очерчена достаточно резко. Она «отсекает» группу северо-восточных районов области, тяготеющих к иной музыкально-этнографической зоне.

Указанный ареал развернут в едином географическом пространстве и охватывает бассейны рек Западной Двины – на северо-западе, Днепра – в центре, междуречье Сожа и Десны – на юге области. Несмотря на сложные исторические судьбы, частые перемещения больших масс населения и административно-территориальные «перепланировки» регион до настоящего времени образует поразительное единство и стабильность своей народно-музыкальной культуры. В смоленской песенной традиции, как утверждает Ф.А. Рубцов, «едва ли не больше чем где бы то ни было, сохранились старые песенные слои»².

Проблематика работы связана с тем, что региональная песенная традиция изучается на пограничной с Белоруссией территории, в связи с чем особого внимания заслуживает вопрос о русско-белорусском взаимодействии в области народной культуры.

Теоретико-методологическая база диссертации. Теоретическую основу исследования составили положения, выработанные отечественными учеными-фольклористами. При изучении вопросов структуры песен, вариативности песенных жанров учтены работы Н.П. Колпаковой, Т.М. Акимовой. При исследовании генезиса необрядовой лирики основой послужили исследования В.П. Аникина, при исследовании вопросов поэтики – работы ученых как XIX века (Н.И. Костомаров, А.Н. Веселовский, А.А. Потебня), так и современные исследования (В.И. Еремина, С.Г. Лазутин).

В основе диссертационного исследования – сравнительно-историческое изучение фольклорных произведений. Оно предполагает выяснение общих и сходных явлений в фольклоре, их изучение. Мы опираемся на историко-генетический и историко-типологический **методы исследования**, а также на сравнение, устанавливающее культурные взаимодействия. Все это, в конечном счете, позволяет «восстановить генетическое взаимоотношение между вариантами и более древние черты изучаемого произведения народного

---

¹ Смоленский музыкально-этнографический сборник. В 3 т. Т. 1. Календарные обряды и песни / ред. кол.: О.А. Пашина (отв. ед.), Л.М. Винарчик, Е.А. Дорохова и др. – М.: Индрик, 2003. – С. 7.

² Русские народные песни Смоленской области в записях 1930 - 1940-х годов / сост., расшифр., коммент. Ф.А. Рубцова. – Л.: Советский композитор, 1991. – С. 12.

творчества»¹, установить сходство, связанное с типологически закономерной общностью и обусловленное исторической близостью народов.

Ключевые положения системного изучения региональных традиций впервые были сформулированы в программной статье Е.В. Гиппиуса², и они по сей день продолжают определять специфику ряда направлений в современной музыкальной фольклористике. Для ареального исследования региональных типов песенных традиций, по мнению исследователя, целесообразнее выбрать регион древнейших поселений восточных славян. В качестве примера он приводит русско-белорусское пограничье (бассейны верховий Днепра, Десны и Западной Двины на юге, бассейны Ловати и Великой – на севере), так как именно здесь концентрируются «исторически наиболее ранние и по всей вероятности корневые традиционные формы песенного искусства восточных славян»³.

Указанный ареал охватывает в том числе и Смоленщину – одну из центральных областей Верхнего Поднепровья, некогда являвшуюся центром поселения кривичских племен. В не столь отдаленном прошлом (XIX – н. XX вв.) – это область смешанного русско-белорусского населения; в социально-экономическом строе, в быту, языке, обычаях, культуре населения здесь сочетались черты белорусского и русского народов. При этом белорусское население преобладало в центральных и западных уездах, а русское сосредотачивалось в северо-восточных. Это позволило этнографам достаточно четко разграничить западную (белорусскую) и восточную (великорусскую) части губернии⁴.

Современная конфигурация западного отрезка границы Смоленской области окончательно сформировалась в 1922 – 1929 гг. В этот период произошло национальное размежевание русских и белорусов в зоне совместного проживания на указанной территории.

Источниками исследования являются опубликованные и архивные материалы:

– классические сборники смоленского, белорусского и «общерусского» фольклора (В.Н. Добровольского, П.В. Шейна, Н.И. Киреевского, А.И. Соболевского, Е.Р. Романова, П. Бессонова);

– современные сборники музыкального фольклора Смоленщины (А.Ф. Рубцова, Г.Б. Павловой, С.В. Пьянковой, В.П. Харькова), «Смоленский музыкально-этнографический сборник», составленный по результатам фронтальной экспедиционной работы в Смоленской области РАМ им. Гнесиных, а также сборники белорусских народных песен в публикациях З.Я. Можейко, Т.Б. Варфаламеевой, З.В. Эвальд и др.;

---

¹ Жирмунский В.М. Сравнительно-историческое изучение фольклора // Русское устное народное творчество. Хрестоматия по фольклористике / сост. Ю.Г. Круглов и др. – М.: Высшая школа, 2003. – С. 49.

² Гиппиус Е. В. Проблемы ареального исследования традиционной русской песни в областях украинского и белорусского пограничья // Традиционное народное музыкальное искусство и современность (вопросы типологии) / Труды ГМПИ им. Гнесиных. – М.: ГМПИ им. Гнесиных, 1982. Вып. 60. – С. 5-13.

³ Там же. – С. 7.

⁴ Смоленская область. Энциклопедия. В 2 т. Т. 2. – Смоленск: СГПУ, 2003. – С. 23.

– архивные материалы (фольклорные экспедиции студентов Смоленского государственного университета, материалы Рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, единичные записи песен, хранящиеся в Архиве Русского Географического общества), материалы личного архива автора.

Положения, выносимые на защиту:

1. Семейная лирика Смоленского края испытала влияние календарно-обрядовой и семейно-обрядовой поэзии. Особенностью песенной традиции данного региона является сохранение пласта сезонно приуроченных лирических песен, известных также белорусской традиции. В основном своем составе песни представляют единый годичный цикл.

2. Традиционные семейно-бытовые песни, бытующие в Смоленской области в порубежных с Белоруссией районах, представляют несколько тематических групп, в которых каждая тема раскрывается во множестве песенных сюжетов. Песни бытуют в нескольких вариантах. Современные записи демонстрируют высокую художественную сохранность текстов.

3. Поэтика смоленских семейных песен сходна с общерусской, что проявляется в общих моделях их поэтической структуры, идентичном использовании повсеместно распространенных изобразительных средств и образов-символов, стилистических приемов. Специфика сказывается в языке смоленских песен, а также в сезонном прикреплении известных песенных сюжетов. Вместе с тем смоленскому фольклору присущи отдельные черты белорусско-украинского народного песенного творчества.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в региональном аспекте предпринято изучение необрядовой лирической песни семейно-бытового содержания. В научный обиход вводятся ранее не привлекавшийся к исследованию архивные материалы, а также фольклорные произведения, собранные и систематизированные автором. Семейно-бытовые песни впервые рассмотрены в их общем составе, тогда как ранее были представлены лишь в отдельных публикациях.

Теоретическая значимость диссертации заключается во введении в научный оборот систематизированного фольклорного материала, дающего представление о характере функционирования смоленской песенной традиции. Анализ песенного материала дает возможность выявить истоки возникновения, условия бытования смоленской семейной песни в районе русско-белорусского порубежья. Раскрывается связь данных песен с другими жанрами, например, с календарно-обрядовой поэзией.

Практическая значимость проведенного исследования. Материалы могут быть использованы в учебных курсах устного народного творчества, культурологии, этнографии, традиционной русской культуры, спецкурсах по указанным дисциплинам в высших учебных заведениях, в исследованиях, связанных с проблемами генезиса, поэтики фольклора, а также при преподавании регионального компонента в школьной практике (литература Смоленщины).

Апробация работы. Результаты исследования нашли отражение в 18 публикациях, в том числе в рекомендованных ВАК РФ журналах «Русская

речь» и «Русская словесность», а также в сборнике народных песен и духовных стихов «Ольга Владимировна Трушина – хранительница народной лирики» (Смоленск, 2003). Материалы диссертации использованы в энциклопедии «Смоленская область. Персоналии» (Смоленск, 2001) и в учебнике-хрестоматии по литературному краеведению «Литература Смоленщины. В 2 т. Т. 1 / авт.-сост. Г.С. Меркин» (Смоленск, 2002).

Материалы использованы при чтении спецкурса «Литература Смоленского края», при проведении семинарских занятий по теме «Лирические необрядовые песни» в Смоленском государственном университете, на уроках литературы Смоленщины и при ведении кружка «Фольклор Смоленского края» в средней общеобразовательной школе.

По материалам диссертации сделаны доклады на международных и всероссийских научных конференциях: ежегодных аспирантских конференциях кафедры русской литературы и методики ее преподавания (Смоленский государственный университет, 2005, 2006, 2007), ежегодных конференциях, посвященных Дням славянской письменности и культуры (Смоленский государственный университет, 2006, 2007), научно-практической конференции «В.Н. Добровольский в истории русской национальной культуры» (Смоленск, 2006), ежегодных научно-практических конференциях «Русское литературоведение на современном этапе» (Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, 2006, 2007).

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников текстов, литературы и архивных материалов, приложений. Основная часть диссертации изложена на 194 страницах, 30 страниц занимает список источников и литературы (327 наименования).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность и научная новизна исследования, дана оценка степени изученности проблемы взаимовлияния культур в области фольклора, а также обозначена теоретико-методологическая база исследования, указываются его цели и задачи, определяется теоретическая и практическая значимость, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Генезис смоленских семейно-бытовых песен» посвящена вопросу происхождения необрядовой лирики Смоленского региона. Мы предполагаем, что старейшие лирические календарные и свадебные песни, причитания были той почвой, на которой впоследствии развились женские семейно-бытовые песни.

Параграф 1 «Семейно-бытовые песни и обрядовая поэзия». Свидетельством тесной связи обрядовой и необрядовой лирики на Смоленщине служит то, что необрядовая лирика в данном регионе преимущественно сезонно приуроченная, т.е. время звучания этих песен строго определено в годовом цикле, исполнение имеет установленные календарные сроки, времен-

ные границы. Наиболее подробно этот жанр изучен белорусскими и российскими музыковедами (З.Я. Можейко, О.А. Пашина, Л.М. Белогурова (Винарчик), М.А. Енговатова, Е.А. Дорохова и др.). Песни, условно приуроченные к календарю, имеют прямые связи с календарными и неприуроченными лирическими песнями. Они относятся к необрядовым и сообщаются народными певцами так же охотно, как и песни, исполняемые в любое время. Близость с календарной поэзией проявляется в: 1) терминологии; 2) манере исполнения (громкое пение на открытом воздухе); 3) мелодическом складе¹. Однако, в отличие от календарной поэзии, основной формой приуроченности необрядовой лирики является ее *сезонное* прикрепление. Кроме того, закрепление лирической песни за определенным сезоном исходит чаще всего из ассоциаций, вызываемых поэтическим содержанием.

Сезонное прикрепление получают тексты, в которых упоминаются:

– определенные виды сельскохозяйственных работ, характерные для того или иного времени года: «*Хадил Ванька по базару, он искал тывару. / Не найшел Ванька товару, купил востру косу. / Купил востру косу не к свайму пакосу. / Касил Ванька чужу травку, свая в поле вянет. / Любил Ванька чужу жёнку, свая стоня, плачет*». Комментарий: «*Покосная*» (Рославльский район, д. Крапивна);

– определенная природная или погодная ситуация, время года: «*Ой, да кола садика, садика зелёныга, (2 р.) / Лежала дароженька убойна широкая*». Комментарий: «*Вясной, как сад цветёт*» (Руднянский район, д. Кляриново);

– ритуальный атрибут, «отсылающий к ключевому для данного периода календарному обряду, или описание ситуации, которая может спровоцировать те или иные обрядовые ассоциации»²: «*Бярэза мая бялявыя, (2 р.) / Сучико моё висючия, / Горюшко моё великыя...*». Комментарий: «*Летняя*», «*на Духа, на Русалку*» (Руднянский район, д. Кляриново). Береза – главный обрядовый атрибут троичного ритуала.

Основной массив лирических песен Смоленского края имеет весенне-летнюю приуроченность. В текстах многих из них, определяемых носителями традиции как *весенние*, так или иначе проявляются мотивы весенней обрядности, реализованные и в обрядовых текстах: прилет птиц, наступление тепла, качание на качелях, гуляния и т.д. Значительное место в этой группе занимают песни с семейно-бытовой тематикой.

Отождествление определенного календарного сезона с характерными для него видами сельскохозяйственных работ нашло отражение в целой группе традиционных жанровых терминов, употребляемых по отношению к сезонно приуроченным лирическим песням Смоленского региона. Так, жанровые термины семейно-бытовых песен, приуроченных к исполнению «в жниво», заимствованы из лексики собственно календарных – носители традиции называют их *жнивными*, *жнейскими*, исполняемыми *в жниво* и др. На примере анализа собственно обрядовых жнивных и сезонно приуроченных

¹ Подробнее см. об этом: Белогурова (Винарчик) Л.М. Смоленские лирические песни: вопросы функционирования // Смоленский музыкально-этнографический сборник. В 3 т. Т. 3. – М.: Музыка, 2005. – С. 9 – 19.

² Смоленский музыкально-этнографический сборник. В 3 т. Т. 3. – М.: Музыка, 2005. – С. 17.

лирических песен мы прослеживаем общность и специфику этих жанров. Основной причиной приуроченности, на наш взгляд, служит, во-первых, совпадение поэтических (стилистических) фигур, образов, уже сформировавшихся в календарно-обрядовой поэзии. Так, в период жатвы исполняются песни, в зачинах которых используется образ жаркого предзакатного солнца: «А сонейко мае жаркая, чего рана закатилася?».

Во-вторых, причиной приуроченности служит упоминание определенного вида сельскохозяйственных работ, в данном случае речь идет о жатве, о работе «на нивочке»: «Жито она жала, жала-выжинула, / Она в чистом поле тополиной стала».

Однако в качестве жнивных в некоторых локальных традициях Смоленщины бытует большое количество песен, не использующих вышеназванные образы. Возможно, их сезонное прикрепление связано с тем, что жатва – одна из сложнейших сельскохозяйственных работ для женщины. Песни о семейном несчастье, о несправедливости свекра и свекрови органично вошли в группу жнивных песен, выразив тяжелое положение женщины в патриархальной семье. Нива – это единственное место, куда она может «вынести» свое горе, где может «выговорить» свою обиду.

В группе семейно-бытовых песен, приуроченных к исполнению в определенное время года, намечается две тенденции:

- 1) переход календарной песни в сезонно приуроченную лирическую;
- 2) приуроченность необрядовой песни к определенным календарным датам.

Намечается связь семейно-бытовых необрядовых песен с песнями семейно-обрядового цикла. На примере анализа поэтики двух смоленских песен «Лучинушка» и «Хорошо тому на свете жить...» показано, что связь между необрядовой и обрядовой поэзией оказывается довольно прозрачной. Установленное сходство позволяет говорить не только о преломлении обрядовых моментов в текстах лирических песен, об использовании общего фонда поэтических мотивов и формул, но и предположить их изначальное родство.

В то же время жанр лирической необрядовой песни гораздо сложнее, обширнее, разнообразнее, чем жанры обрядовой поэзии. Семейная лирика нацелена на передачу глубоко личных переживаний, что влияет на изменение ее композиции, поэтической структуры.

Во втором параграфе «Архаические мотивы в смоленских семейно-бытовых песнях» основное внимание уделено отдельным архаическим мотивам, которые находят отражение в текстах семейно-бытовых песен (в частности, речь идет о мотиве обращения женщины в дерево и связанного с ним мотива изготовления «говорящего» инструмента). Представления о перевоплощении умерших в птиц, растения и деревья прослеживаются у славян в сказках и балладах. В лирической песне эти мотивы претерпевают изменение: обращение женщины в дерево может быть условным, происходящим в воображении лирической героини. В отличие от баллады, в которой основное внимание сосредоточено на произошедшей драме, показанной через *действ-*

вие с соблюдением временной последовательности и пространственной определенности, в лирической песне в центре изображения – психологическое переживание. Ведь если бы песня «стала излишне конкретной, то лишилась бы способности применяться по аналогии к переживаниям многих людей»¹.

В данном мотиве можно проследить отражение мифологических и тотемистических представлений, а также связь с некоторыми обрядовыми действиями, санкционирующими перемену состояния человека и природы.

В этом же параграфе отмечается связь семейно-бытовых песен с балладами. Отличительной особенностью смоленской песенной традиции является то, что песни с балладными сюжетами здесь входят в единый корпус наряду с лирическими. Более того, они также получают сезонное прикрепление. Причиной такой, безусловно, позднейшей приуроченности служит содержание поэтических текстов.

Во **Второй главе «Сюжетно-тематическое своеобразие смоленской семейной лирики русско-белорусского порубежья»** диссертационного исследования рассматриваются основные темы и сюжеты семейно-бытовых песен.

В первом параграфе **«Семейно-бытовые песни Смоленщины. Собиратели и исполнители»** дана хронология публикаций семейно-бытовых песен Смоленщины. Впервые тексты смоленских семейно-бытовых песен были опубликованы в сборниках П.В. Шейна. Наиболее полно семейная лирика представлена в четвертой части «Смоленского этнографического сборника» В.Н. Добровольского. Сюжеты этих песен строятся на описании типичных ситуаций в патриархальной крестьянской семье с традиционным противопоставлением родного дома и чужого края. Многие из этих песен известны и в современных публикациях, а также входили в репертуар знаменитых народных исполнительниц Смоленского края А.И. Глинкиной, Е.К. Щеткиной, О.В. Трушиной. Из таких локальных, исполнительских песенных традиций складывается общая традиция песенного творчества всей Смоленщины.

Семейно-бытовые песни тематически могут быть сгруппированы в три основные группы: 1) песни о несчастье женщины в семье мужа; 2) песни о вдове; 3) мужские семейные песни. Каждая тема раскрывается во множестве песенных сюжетов. Анализ песен в имеющихся сборниках, архивных материалах показал, что наиболее обширной является первая группа.

Параграф 2 «Песни о несчастье женщины в семье мужа». В песнях этой тематической группы часто возникают структурообразующие оппозиции (свое/чужое, молодое/старое), проявляющиеся в противопоставлении своей семьи чужому дому, а самой молодухи – старому свёкру. Эта оппозиция усилена описанием особого фольклорного пространства в песне, связанного с числом «три», с помощью которого происходит резкое разделение родного дома как счастливого места и чужого края как места, связанного с горем, несчастьем. Например, в одной из песен мать провожает погостившую дочь «через три поля широких, через три моря глубоких, через три леса тем-

---

¹ Аникин В.П. Русское устное народное творчество / В.П. Аникин. - М.: Высшая школа, 2001. – С. 534.

ных». Ряд *поле – море – лес* близок магическому пространству заговоров, где он выступает как начало, противопоставленное *дому*, как место, связанное с бедой, болезнью, т.е. с горем.

Внутри данной тематической группы наиболее распространенным является поэтический сюжет о дочке-пташке. Анализ имеющихся в нашем распоряжении современных вариантов песни о дочке-пташке (20 текстов) показал, что некоторое разнообразие наблюдается во вводной части, в которой помимо общерусского «*Калина с малиной*» встречаются еще пять основных типов зачина. Кроме того, имеются различные концовки, сокращения и расширения текста в середине повествования. Проведенное картографирование вариантов песни показало, что некоторые из них исполняются только в определенное календарное время. Так, в Починковском и Шумячском районах исполнители называют ее «летней», в Рославльском – «сенокосной». Сокращенный вариант песни с зачином «*Харошему деревцу Бог ветья не дал...*» в Краснинском районе поют, когда «*на Масленку едут у гости*»; ее, по свидетельству информантов, «*надо сильно петь*». Громкое же исполнение песен – это воздействие именно ритуального, календарно-обрядового пения.

В третьем параграфе «**Песни о вдове**» анализируются сюжетные ситуации песен, повествующие о тяжелом положении вдовы в крестьянских семьях. Существовавшие реальные факты свидетельствуют о предвзятом отношении к вдовам и их детям в западнорусской крестьянской общине.

Вдовый фольклор достаточно редко находит отражение в сборниках народных песен. Основной материал данного раздела взят из архивных источников, полевых записей фольклорных произведений. Лирические песни о вдове композиционно оформлены как монологи и диалоги. Монолог чаще всего звучит от несчастной вдовы, которая не справляется одна с тяжелой крестьянской работой. Песни о вдове – самые печальные в семейной лирике.

Сходные сюжетные ситуации развивают и весенние майские песни. Зачином к обоим жанрам служит лирическое обращение к кукушке – традиционному образу русской народной песни. Появление образа кукушки в зачине весенних песен не случайно. Кукушка – это типичный персонаж троицких обрядов, но в смоленской духовской обрядности он практически не задействован. И вместе с тем образ кукушки постоянно возникает в духовских обрядовых песнях, восполняя тем самым список смоленских троицких мотивов. Поэтому песня не только сопровождает действия или использование предметов в обряде, она компенсирует их отсутствие.

Почему песни о вдове чаще всего приурочиваются к исполнению в весенний период и даже сопровождают весенние обрядовые действия? В этих песнях прослеживается отражение некоторых весенних календарных мотивов. Во-первых, как уже было отмечено выше, это образ кукушки в их зачинах. Важно не только то, что эта птица является типичным персонажем весенней обрядности, но и то, что она является вестницей весны. По народным представлениям, без нее березки не смеют надеть свой зеленый наряд. Крестьяне с ее прилетом начинают сеять лен, овес, гречиху.

Во-вторых, это тесно ассоциированный с кукушкой образ самой вдовы. Образ кукушки часто осмысливается в народе как «вдовый», женский. Не случайно под руководством именно вдовы в некоторых локальных традициях происходил весенний обряд «похорон» кукушки.

Во многих песнях упоминаются определенные виды сельскохозяйственных работ, которые отсылают к тому или иному времени года. В данных текстах – это упоминание о пахоте (*А у всех у поле пашенки попаханы, / А у мыладэй удаве пашня не пахана*), что также может привести к соответствующей функциональной атрибуции песни.

Наконец, в некоторых песнях развивается мотив оплакивания умершего (*А где ж тот муж? / Крепко спит тот муж, / Никак не проснется*). Как считают исследователи, мотив убийства, оплакивания на похоронах «согласуется с общим эмоциональным тоном троицкой обрядности»¹. Наиболее ярко эта связь раскрыта Т.Б. Диановой на примере анализа песни с мотивом оплакивания убитого, которая является центральным тестом завершающего весенний цикл обряда «похорон стрелы/сулы»². Таким образом, причины приуроченности оказываются более глубокими, чем формальные способы «подключения» уже сложившихся лирических песен к установившимся обрядовым действиям.

Четвертый параграф «Мужские семейные песни» посвящен мужской лирике. Как правило, эти песни не ограничиваются событиями узкого домашнего уклада, их содержание более повествовательно и социально разнообразно. Поэтому в мужской лирике заметно тяготение к балладе и солдатской песне. Современные записи демонстрируют высокую художественную сохранность песен (в частности, песня «Молодость, моя молодость», в которой повествуется об отправке немилой жены по морю (реке)).

Современным вариантам свойственно и сокращение, и явление контаминации, что является не частным случаем, а общей тенденцией развития песенных жанров на более позднем этапе их бытования. Таким образом, отмечается сюжетный динамизм смоленской семейной лирики. Специфика фольклорной композиции включает два момента: и внутренний динамизм, и его законченный, традиционно целостный характер, – что подтверждает мнение многих исследователей о содержательном равноправии вариантов.

Смоленская семейная лирика рассмотрена в контексте с общерусской. Безусловно, здесь бытуют в большом количестве варианты песни, являющиеся типичными для данной местности. Но тематически и сюжетно семейно-бытовые смоленские и «общерусские» песни совпадают. Специфика сказывается в: 1) сезонном прикреплении общеизвестных песенных сюжетов, 2) диалектной лексике и белоруссизмах, 3) сокращении и контаминации песен-

---

¹ Дианова Т.Б. Обрядовая и необрядовая лирика в контексте ритуала: типология и функция / Т.Б. Дианова // Поэтика фольклора: сб. статей. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. – С. 81.

² Дианова Т.Б. Обрядовая и необрядовая лирика в контексте ритуала: типология и функция / Т.Б. Дианова // Поэтика фольклора: сб. статей. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. – С. 73 – 89.

ных сюжетов, 4) разнообразных песенных зачинах и добавочных строках в концовках.

Отмечается сюжетное сходство с белорусскими песнями. Бытование некоторых из них зафиксировано в основном в районах, пограничных с Белоруссией. В данном случае мы можем говорить о локализации определенных песенных сюжетов. Наибольшая текстуальная близость отмечается между вариантами, записанными в Смоленском и Белорусском Поднепровье (Могилевская область). Близкими являются варианты *«Я й давным-давно ў матушкі была»* (Глинковский район Смоленской области) и *«Ой, даўно, даўно я у мамачкі была»* (Могилевская область), *«Течет реченька-перереченька»* и *«Цячэ рэчанька невялічанька»*, *«Как пайду я по лужочку»* и *«Як пайду я кала гаю»* и др.

В связи с тем, что в состав Смоленской области входят территории, принадлежавшие в не столь отдаленном прошлом Могилевской губернии, песенные традиции данных ареалов, на наш взгляд, не стоит рассматривать изолированно друг от друга.

В **Третьей главе «Поэтика смоленских семейно-бытовых песен»** анализируются композиционные формы и приемы, изобразительно-выразительные средства, символика, поэтический синтаксис.

В **первом параграфе «Композиционные формы и приемы»** отмечается, что для смоленских семейных песен характерны как диалогическая, так и монологическая формы построения. Однако наиболее распространенным является монолог, так как он более всего отвечает главной задаче лирической песни – выразить душевное состояние человека. Семейная песня-монолог – это, как правило, жалоба молодой женщины на несправедливое отношение к ней чужой семьи (*«Бровки мои черненькие...»*), на мужа (*«Ай, мати моя старая...»*, *«Как погоню я серы гуси на росу...»*). Менее распространенной композиционной формой является диалог. Содержание таких песен выражается в разговоре невестки и свекра (*«Боже, мой боже, горькая доля...»*), родителей и выданной замуж дочери (*«Ах, ты солнце, солнце красное...»*). Речь первого героя в песнях диалогической композиции, как правило, является второстепенной, подчиненной, а речь второго выражает основное содержание песни.

Монологу или диалогу в лирических песнях часто предшествует описательно-повествовательная часть, которая может строиться на приеме «постепенного, или ступенчатого сужения образов», подробно описанного Б.М. Соколовым. В семейной лирике таким образом строится изображение природы и семейных отношений.

Семейно-бытовые песни могут строиться на основе принципа образного параллелизма. Однако такое построение больше характерно для обрядовых песен. В лирических песнях более распространенным является построение одного из элементов композиции на основе данного принципа. При этом параллелизм используется в зачине и вступлении значительно чаще, чем в концовке.

Особенностью песенного текста является то, что поэтические приемы в нем не изолированы друг от друга, а находятся в тесной взаимосвязи и взаи-

мопроникновении. Получается комплекс художественных средств, в котором каждый компонент усиливает другой и все вместе создают цельную художественную картину.

Во втором параграфе «Изобразительно-выразительные средства» рассматриваются метафоры, сравнения, эпитеты, составляющие художественный строй семейно-бытовых песен.

Метафоры в лирической песне редки. Семейной лирике известна метафора «я посею горе», связанная с мотивом избавления. Образ стороны, засеянной горем, широко известен и свадебной поэзии. Появляется он в песнях, поющих до венца, когда дом жениха осмысливается еще как чуждое для невесты пространство.

Результатом большой наблюдательности народа стали поэтические сравнения. В семейной лирике встречаются два типа грамматических форм сравнения: союзные и бессоюзные.

Народная песня богата эпитетами, которые поэтически типизировали русскую природу, образ человека, его семейный быт. Эпитеты для описания мира природы несут изобразительную и выразительную окраску: «горькая осинушка», «разоренная рябина», «горькая кукушечка». Отрицательная оценка звучит в эпитетах, характеризующих семью мужа: «журливый свекор», «кривошлыкая свекровушка», «лютая свекра». Для описания особого состояния лирической героини используются следующие эпитеты: «худая долюшка», «ретивое сердце» и др. Все они эмоционально окрашивают песню, выполняют изобразительно-выразительную функцию, подчеркивают тяжесть положения молодой женщины на «чужой стороне».

Третий параграф «Символика» посвящен анализу растительной и орнитоморфной символики в семейно-бытовой песне. Ни один из фольклорных жанров не насыщен образами из мира природы так, как народная песня. В смоленских семейных песнях наиболее распространенными являются образы березы, калины, рябины и кукушки. Анализируются следующие составляющие этих образов: 1) народные представления о данных деревьях и птицах; 2) употребление соответствующих реалий в обрядах; 3) их образная реализация в поэтических текстах.

Кукушка – «символ женский, преимущественно грустный и потому ей придается обыкновенно эпитет *горемычной*. Известно, что ни за одной птицей не остается столько глубоко древнего значения, как за кукушкой»¹. Реконструировав архетипическое содержание орнитоморфного образа-символа и определив особенности его семантики в традиционных жанрах устного народного творчества, можем сделать вывод о следующих его мифологических и символических характеристиках:

- посредница между мирами;
- олицетворение души умершего;
- пророчица (предсказания, связанные с жизнью и смертью);

---

¹ Костомаров Н.И. Великорусская народная песенная поэзия // Костомаров Н.И. Собрание сочинений. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1904. Кн. 5. Т. 13. – С. 540.

– олицетворение женского начала (невеста, сирота, вдова, *несчастливая в замужестве женщина*).

Наиболее часто употребляемым растительным символом в семейных песнях является береза. Значение этого символа в обрядовой поэзии и необрядовой лирике различно. В календарных величальных песнях, поющих в Семик, звучит наивысшая похвала воспеваемому деревцу, ведь «по мысли совершавших обряд, береза должна передать буйный рост и пышную красоту полевым злакам»¹.

Переплетение календарных и брачных мотивов наблюдается в свадебной поэзии. Так, в свадебных песнях часто возникает параллель *береза без верха // родители без дочери*, которая связывается с весенними календарными обрядами, нацеленными на плодородие земли. Именно в верхушке березы, по народным представлениям, сосредотачивается вся сила роста, которую нужно было передать земле. В свадебной песне невеста срывает верхушку и таким образом забирает с собой ее плодородную силу, так как в скором времени сама девушка должна выступить в новом качестве матери и продолжательницы рода мужа.

В лирических песнях обрядовый смысл теряется. Изображение березки во многих песнях предваряет рассказ женщины о ее семейном несчастье. Лирическая песня не скована обрядовой условностью, она коренным образом изменила свою функцию и стала выражением только внутреннего мира человека.

Появление образа березки в семейных песнях влияет на их сезонное прикрепление. Чаще всего они определяются исполнителями как весенние, так как березка является главным атрибутом весенних обрядовых действий.

Символ калины известен прежде всего свадебной поэзии. Свадебные песни часто строятся на основе принципа образного параллелизма: в первой параллели выступает образ калины, а во второй – невесты. Образ поломанной калины, в котором прослеживается первоначальное эротическое представление, позднее был заимствован частушкой с любовной тематикой.

В лирических семейно-бытовых песнях значение образа калины уже не имеет связи с содержанием символа свадебной песни и вызывает иные и, как правило, прямо противоположные ассоциации. Образ расцветшей калины несет грустное настроение, так как с порой ее цветения связывается несчастливое рождение героини песни и наделение «горькой долей»: «*Калинка с малинкой / Сильно расцвела. / В тую пору-времечко / Меня мати родила, / Несчастливой долей / Наделила меня*». Этот символ, как предполагает В.И. Еремина, получил свое значение в свадебных и лирических песнях не одновременно: символ калины в свадебных песнях возник значительно раньше, чем в лирике, так как лирическая семейно-бытовая песня уже не воспроизводит его древнее эротическое значение.

Образы птиц и деревьев в песнях не случайны. Их формирование и развитие тесно связано с народными представлениями и тем местом, которое

---

¹ Аникин В.П. Генезис необрядовой лирики / В.П. Аникин // Русский фольклор. – Л.: Наука, 1971. Т. 12. – С. 20.

они занимали в повседневном быту и обрядовых действиях крестьян. Конечно, со временем связь с мифологическими представлениями ослабляется, и актуальной становится традиционность того или иного песенного образа.

Проведенный в работе системный анализ орнитоморфных и растительных образов-символов на основе синтеза мифопоэтических, этнографических и фольклорных данных показал, что особенности их семантики и функционирования в традиционных устнопоэтических произведениях зависят от того, в какой жанровой сфере они выступают. Значение символа в обрядовом контексте иное, нежели чем в необрядовой лирике. Это связано с особенностями лирического жанра, в котором на первом плане – глубоко личное высказывание лирической героини. В лирических песнях символ не воспроизводит того древнего магического значения, который был заложен в обрядовой поэзии. Чаще всего эти образы служат своеобразным эмоциональным вступлением к основному содержанию песни. Меняется и форма обращения, в которой появляются суффиксы субъективной оценки («Рано ты, калинушка, в поле расцвела» и др.). Образы кукушки, березы, калины и рябины стали очень близки семейной лирике, символизируя невыразимую женскую печаль, тоску по родному дому.

В четвертом параграфе «Поэтический синтаксис» отмечается многообразие поэтических повторов народной лирики. Связано оно не только с музыкально-ритмической, но и с содержательной стороной песни. Взаимосвязь языкового наполнения и музыкальной фразы достигается с помощью «развертывания» (палилогия, подхват), при котором в начале каждой последующей фразы повторяется часть предыдущей (буквально или варьируясь). Таким образом происходит объединение текста даже в максимально распевной песне.

Различные повторения придают песне не только четкую синтаксическую и звуковую выразительность, но и являются средством поэтической характеристики, например, при описании особого состояния лирической героини. Анафористический повтор может сочетаться с приемом постепенного или ступенчатого сужения образов, в котором последний из них является важнейшим: *«Атдав мяне батюшка замуж даляко,/ Далеча-далечушка, семь верст за Маскву,/ А в тую дяревеньку незнакомаю,/ А в тую сямеюшку несаслазнаю,/ За тую дятинушку нелюбимаю».*

Композиционные принципы и приемы традиционных народных семейных песен обусловлены их жанровой природой и служат единой цели – выражению мыслей и чувств лирических героев.

В **Заключении** подведены итоги исследования и сформулированы основные выводы.

1. Семейная лирика обнаруживает сходство с календарно-обрядовой поэзией. Об этом свидетельствует то, что народная лирика на Смоленщине преимущественно сезонно приуроченная: время ее звучания фиксировано в годовом цикле и имеет определенные календарные сроки. Этот жанр занимает одну из ведущих позиций в западнорусской традиции, на территории Белоруссии и части Украины. Основной массив песен имеет ве-

сенне-летнюю приуроченность, осенние и зимние представлены в гораздо меньшем объеме. Двучастное строение годового музыкального цикла с противопоставлением протяженных временных отрезков поразительным образом воспроизводит архаичное деление календаря на ЗИМУ и ЛЕТО. Вместе с тем подобное укрупнение календарных сезонов можно интерпретировать и противоположным образом – как исторически позднее явление, упрощающее детализированную и четко проработанную в календарных ритуалах структуру годового цикла.

2. Разнообразное содержание народных семейных песен в целом складывалось из изображения типических ситуаций, характерных для крестьянской патриархальной семьи. Сюжетные ситуации носят общерусский характер. Наибольшее место в семейной лирике занимают песни о несчастье замужней женщины с традиционным противопоставлением родного и чужого дома.

3. Смоленские семейные песни, несмотря на присущую им вариативность, в довольно строгих рамках этого фольклорного жанра сохраняют в себе цельность и единство формы и содержания. Таким образом, диалектика устойчивости и подвижности текстов песен заключается, с одной стороны, в высокой художественной сохранности песен, и, с другой - в одновременном процессе постоянного варьирования.

4. Художественная структура смоленских песен отличается особой лаконичностью, строгой чистотой, классической ясностью. Поэтические приемы, как правило, находятся во взаимосвязи и взаимопроникновении, где каждый компонент усиливает другой.

5. В смоленской песенной традиции сходство с песенным фольклором соседних народов проявляется на разных уровнях и имеет разное происхождение. Первое направление – генетическое родство – сказывается в распространении на территории Белоруссии и Смоленщины сезонно приуроченных лирических песен, являющихся наиболее ранним пластом народной лирики, истоки которого – в календарно-обрядовой поэзии.

Сходство, возникшее в результате культурных контактов, – явление более позднего порядка, произошедшее после обособления культур трех славянских народов. Отмечается также, что сами носители традиции осознают то или иное произведение «заходим». К подобного рода взаимодействиям относятся и возникшие на смоленской почве контаминации с белорусскими и украинскими народными песнями.

Наконец, третье направление сравнительного исследования – типологическое сходство. Оно проявляется в наличии общих тем, мотивов, образов, появление которых связано с определенными социальными и культурными условиями развития.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Работы, опубликованные в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК:

1. Жукова Н.Ю. Семейно-бытовые песни русских и белорусов // Русская речь. – 2008. - № 2. – С. 109 – 113.

2. Жукова Н.Ю., Папко О.В. Развитие языковой и культуроведческой компетенции школьников при изучении лексики (на материале смоленских народных песен) // Русская словесность. – 2009. - № 2. – С. 63 – 67.

Публикации в других изданиях:

3. Жукова Н.Ю. Ольга Владимировна Трушина – хранительница народной лирики. – Смоленск: СГПУ, 2003. – 76 с.

4. Жукова Н.Ю., Панина Л.И. О.В. Трушина // Смоленская область. Энциклопедия. В 2 т. Т. 1. Персоналии. – Смоленск: СГПУ, 2003. – С 251.

5. Жукова Н.Ю., Панина Л.И. О.В. Трушина // Литература Смоленщины: учебник-хрестоматия по литературному краеведению / авт.-сост. Г.С. Меркин. – Смоленск: Универсум, 2002. – С. 90 – 91.

6. Жукова Н.Ю. Образ кукушки в смоленских семейно-бытовых песнях // Штудии – 6: сборник статей молодых ученых / науч. ред. Г.С. Меркин. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2006. – С. 5 – 11.

7. Жукова Н.Ю. Семейно-бытовая песня «Лучинушка», ее генезис // Штудии – 6: сборник статей молодых ученых / науч. ред. Г.С. Меркин. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2006. – С. 11 – 14.

8. Жукова Н.Ю. Образ кукушки в смоленских песнях русско-белорусского порубежья // Młodzież akademicka wobec wyzwań współczesności / redakcja naukowa: Ryszard Droba, Adam Bodruk, Barbara Stefiągowska. – Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskies, 2006. – С. 331 – 337.

9. Жукова Н.Ю. О русско-белорусских связях в смоленском фольклоре // Русское литературоведение на современном этапе: материалы V Международной конференции. В 2 т. Т. 1. / ред. кол.: В.Н. Аношкина и др.; отв. ред. Ю.Г. Круглов. – М.: РИЦ МГОПУ им. Шолохова, 2006. – С. 24 – 26.

10. Жукова Н.Ю. Семейно-бытовые песни и баллады // Штудии – 7: сборник статей молодых ученых / науч. ред. Г.С. Меркин. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2007. – С. 5 – 12.

11. Жукова Н.Ю. Песни о вдове в «Смоленском этнографическом сборнике» В.Н. Добровольского // В.Н. Добровольский в истории русской национальной культуры: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В.Н. Добровольского. – Смоленск: Свиток, 2007. – С. 105 – 111.

12. Жукова Н.Ю. О фольклорных связях Смоленско-Белорусского региона // Подготовка учителя начальных классов: опыт, проблемы, перспективы: сборник научных трудов. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2007. – С. 85 – 91.

13. Жукова Н.Ю. Смоленские песни в сборниках П.В. Шейна // Культура и письменность славянского мира: сборник материалов Международной научной конференции. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2007. Т. VIII. – С. 60 – 66.

14. Жукова Н.Ю. Смоленские жатвенные песни // Русское литературоведение на современном этапе. Материалы VI Международной конференции. В 2 т. Т. 1. – М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2007. – С. 23 – 26.

15. Жукова Н.Ю. Символика деревьев в смоленских народных песнях // Культура. Филология. Образование: сборник научных трудов / отв. ред. Г.С. Меркин. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2008. Вып. 5. – С. 41 – 48.

16. Жукова Н.Ю. Смоленские семейно-бытовые песни в репертуаре О.В. Тушиной // Культура и письменность славянского мира: сборник материалов Международной научной конференции / ред. кол.: В.В. Ильин (отв. ред.) и др. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2008. – С. 168 – 171.

17. Жукова Н.Ю. Мотив обращения женщины в дерево в смоленских балладах и песнях // Культура и письменность славянского мира: сборник материалов Международной научной конференции / ред. кол.: В.В. Ильин (отв. ред.) и др. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2008. – С. 172 – 178.

18. Жукова Н.Ю. Символ в обрядовой поэзии и необрядовой лирике // Штудии – 8: сборник статей молодых ученых / отв. ред. Г.С. Меркин. - Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2008. – С. 5 – 10.